

ДРЕВНЕЙШЕЕ ОПИСАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЕГИПТА

Исследователь древнеегипетского общества серьезно затруднен тем обстоятельством, что египтяне не оставили нам сочинений, в которых бы описывалось свойственное Египту социальное устройство. Но так ли обстоит дело в действительности? Можно сослаться на вторую часть наиважнейшего «Enseignement loyaliste», теперь опубликованного Ж. Позенером [Posener, 1976], хотя это сочинение и не обрисовывает социальной ситуации в целом; его цель — показать положение («царских») *ḥmww* в частном хозяйстве. Наконец, удастся выявить более десятка схем социальной организации, которые относятся к периоду между XV–I вв. до н. э. В этих последних уже определенно намечаются составляющие социального организма древнего Египта, и они важны чрезвычайно¹. Тем не менее это не описание. Есть, впрочем, и таковое, и даже не одно. Однако первое восходит к эпохе около 2000 г. до н. э. и представляет исключительный интерес не только как наиболее древнее, но и как наиболее обстоятельное и, видимо, с литературной стороны наиболее талантливое.

Я имею в виду Поучение Ахтоя, сына *dw3w.f* (библиографию см. [Jankuhn, с. 90]), которое Масперо окрестил в *Satire des métiers*, название широко употребительное в египтологии. Стоит ли говорить, что указанный характер этого сочинения до сих пор не был раскрыт, поскольку внешне эта своего рода «Aigypcion politeia» чрезвычайно далека от политий классической древности. Его назначение, казалось бы, совершенно недвусмысленно — это скорее древнейшее педагогическое сочинение, имеющее целью привлечь юношество к учебе, к образованию. Трудно такое понимание этого сочинения отрицать, хотя некоторые считают его произведением определенной политической направленности, даже своего рода политической пропаганды. Как бы там ни было, для нас этот внешний момент второстепенен. Он именно и заслонил от исследователей главное: для достижения внешней цели, какой бы она ни была, автор сочинения должен был обрисовать сложившуюся в стране социальную обстановку, и не только обрисовать, но и ознакомить своего читателя, так сказать, с принципом действия социальной организации Египта².

В силу сказанного для нас также не существует вопрос о наличии или отсутствии сатирической направленности в этом сочинении³ и связанный с ним вопрос о социальной ограниченности и даже слепоте его автора, который будто бы высмеивает такие жизненно важные для Египта занятия населения, как земледелие, ремесла, противопоставляя им канцелярии. На наш взгляд, в сочинении нет ни сатиры, ни пропаганды (так [Helck, 1970, S. 161–162]), ни слепоты, ни цинизма. Цель автора — прославить для учащейся молодежи науку и учение, привлечь ее к ним, и делает это он на основе обрисовки свойственной Египту социальной действительности.

Изучение Поучения Ахтоя в сильной степени затруднено тем, что до нас не дошло ни одного списка времени Среднего царства. За единственным исключением, все списки датируются второй половиной Нового царства, когда искажения при копировании древних текстов уже стали неизбежным злом. В силу этого текст сочинения даже после находки крупного фрагмента времени XVIII династии [Piankoff], а копирование в то время все-таки еще держалось на известном уровне, и после обстоятельных исследований ван де Валле, Бруннера и Хелка [van de Walle, 1948; Brunner; Helck, 1970] продолжает представлять для интерпретатора огромные трудности. Но это при истолковании конкретных пассажей. В общих же чертах картина была уже ясна Масперо [Maspero], первому, кто отважился на изучение этого сложного сочинения. О ней мы и будем говорить в настоящей статье.

¹ О них придется говорить особо.

² См. важное исследование по этому сочинению ван де Валле [van de Walle, 1947].

³ Сатирическое направление усматривает Бруннер [Brunner]. Против решительно Хелк [Helck, S. 161].

Прежде несколько слов о датировке сочинения, которая связана с проблемой авторства. Принадлежность к эпохе Среднего царства и с самого начала изучения текста не вызывала сомнения, однако после издания папируса Честер Битти IV [Gardiner, 1935, pl. 15–16] эту общую датировку, казалось бы, можно было существенно уточнить. Дело в том, что в эпоху Нового царства «Поучение» имели обыкновение присоединять к двум другим сочинениям времен Среднего царства: Гимну Нилу и Наставлению Аменемхе I (об этом см. [Posener, 1956, p. 19, note 7]). Между тем папирус Честер Битти IV (vo 6, 12–14) указывает, что это «Наставление», которое до тех пор считали вышедшим из-под пера самого царя, было составлено Ахтоем. Отсюда закономерно предположение о тождестве авторов «Поучения» и «Наставления», которое позволяет датировать «Поучение» царствованием Аменемхе I или его сына.

Впервые такое предположение было высказано Гардинером [Gardiner, 1935, p. 43–44], затем поддержано Позенером [Posener, 1956, p. 5]. Сравнительно недавно оно было оспорено Зейбертом на основании нескольких списков «Поучения», в которых имя автора дано без отчества [Seibert, S. 103], а то, что нормально трактуется как отчество, было осмыслено как элемент имени *dw3 htj*. Такое осмысление «удревнило» бы сочинение, поскольку имя значило бы «Славь Ахтой» и, стало быть, должно было быть басилеофорным, где «Ахтой» — один из царей IX–X династий.

Правда, Хелк [Helck, 1970, S. 159] указывает, что «титულიное» авторство у египтян никогда не совпадает с действительным, и, следовательно, *dw3 htj* — чем-то прославившийся деятель прошлого по отношению к эпохе настоящего автора сочинения. Эта эпоха вполне может быть периодом ранней XII династии, которым обычно датируют данное сочинение.

В принципе и новое чтение Зейберта, и поправка Хелка к нему, конечно, возможны. Реинтерпретация длинного имени в два коротких, представляемых как имя и отчество или, вернее, отчество и имя, ибо в этой последовательности они произносились и писались при XII династии [Берлев, 1962], известна. Правда, до сих пор был выявлен только случай переосмысления непонятного египтянам семитического имени [Clère, p. 22], своеобразной египтизации имени (ср. пушкинское «Иван Яковлевич» о Руссо), но в конце концов и такое возможно.

В пользу этого чтения можно было бы привести еще и такой довод: вплоть до Аменопа, сына Канахта (ср. [Jankuhn, S. 2]), автора знаменитого дидактического сочинения эпохи Нового царства, только автор интересующего нас сочинения назван по отчеству и имени, все же остальные только по имени. Но, может быть, эта разница объясняется тем, что Ахтой и Аменопа были не только, так сказать, «титულიными» (номинальными), но и действительными авторами сочинений в отличие от других авторов только по имени, авторитетов. В конце концов где гарантия, что тексты, на которых основывается Зейберт, сохранили изначальный текст?

Как бы там ни было, аргумент, приводимый Хелком в пользу чтения Зейберта, несостоятелен. Согласно его мнению, отсутствие детерминатива «человек» при имени *dw3w.f* и наличие его при имени *htj* говорит о том, что это одно имя, искусственно расчлененное словом «сын». Но так и должно быть! Это норма. Так и писалось в эпоху Среднего царства отчество в отличие от имени [Posener, 1980; Берлев, 1962]. Если б детерминатив при имени *dw3w.f* был, то оно должно было стать именем, а *htj* — отчеством, так называемый прямой способ указания филиации. Данная работа была уже сдана для печати, когда появилось важное исследование Позенера специально по вопросу об имени автора *Satire des métiers* [Posener, 1980]. Его вывод: Сын Дуауфа «Ахтой», причем важен и чисто статистический момент — из одиннадцати списков начала «Поучения» девять сохранили написание по типу «сын N, NN» и только два опускают слово «сын», как бы трактуя имя и отчество автора как одно составное имя.

Видимо, все же составление одного сложного имени из по всем правилам написанного имени и отчества (собственно, отчества и имени) является вторичным, и положение Гардинера — Позенера относительно авторства и датировки «Поучения» по-прежнему не поколеблено.

Знаменательно в этом отношении несколько обстоятельств.

1. В разделе папируса Честер Битти, в котором перечисляются известные авторы древности, Ахтой назван «их главой» (vo б). Едва ли такое положение в египетской литературе⁴ оправдывалось одним полуанонимным авторством «Наставлений»⁵ Аменемхе I.

2. Далее в этом папирусе следует серия новоегипетских подражаний Ахтоеву «Поучению», и завершается она молитвой в пользу Ахтоя, причем именно здесь и упоминается его авторство по отношению к «Наставлению» Аменемхе I. Стало быть, и тут новоегипетский вариант *Satire des métiers* объединился в представлении составителя и с именем Ахтоя, и с «Наставлением». Автор же, создавший и «Поучение» и «Наставление», вполне мог претендовать на роль главы египетских литераторов, тем более что к этим двум сочинениям постоянно добавляется еще и третье — Гимн Нилу!

3. На знаменитом памятнике времени XIX династии, который впервые стал известен по неизданной до сих пор копии в архиве Дареси (библиографию см. [Moursi, S. 63], недавно обнаружена фотография памятника), изображаются и упоминаются «великие» люди эпохи Древнего, Среднего и Нового царств⁶. Среди «великих» в прямом, египетском смысле слова, т. е. людей, занимающих высокие административные и жреческие должности, есть и люди, прославившие себя литературой: Эпвер (Ипувер), Хахепрасонб (Хахеперрасонб), *k3-jr-s*. Среди них и имя «Ахтой», но написанное в очень странной форме. После его титула *hrj wdb* «заведующий распределением», т. е. выдачами, кому полагается, пищи, одежды и т. п. из «Дома царя» [Helck, 1954, S. 68]⁷ следует не имя «Ахтой», *htj*, а *z3 htj*. т. е. «сын, Ахтой». Поскольку вполне вероятно, что Ахтой должен был быть упомянутым в этом сообществе литераторов, естественно допустить, что это и есть автор двух или скорее даже трех знаменитых в египетской литературе сочинений. Но в таком случае как объяснить это *z3* «сын», видимо, следует читать: < *dw3w.f* > *z3*, *htj* «*dw3w.f*'а сын, Ахтой».

Как мы увидим, это подробное рассмотрение авторства сочинения, поскольку оно связано с датировкой, очень важно для изучения истории египетского общества. Пока же отметим только, кому как не «ведающему распределением» в «Доме царя» было узнать жизнь народа настолько, чтобы оставить описание этой жизни, ставшее образцом в веках.

Как уже указывалось, такое описание не составляло непосредственной цели Ахтоя, но, прославляя науку, учение, он должен был прибегнуть к контрасту: те, кому доступна наука, и прочие. Первые — чиновники, вторые — земледельческое население и ремесленники. Судьба первых завидна в самой высокой степени, участь вторых — антитеза к положению первых.

Это, собственно, и было понято как основной вывод, пафос сочинения. На деле оно говорит больше. Действительно, сразу же обращают на себя внимание четыре особенности этого сочинения.

1. Говоря о чиновничестве, Ахтой вынужден убеждать сына в преимуществах чиновничьей карьеры. Зачем?

2. Описывая тяжелое положение народа, он должен явно сгущать краски. Почему? И в том, и в другом случае дело идет, казалось бы, об очевидном. Учебу, школу можно достаточным образом прославить, указав, что они являются источником богатства, влияния, власти. Для чего использовать как антитезу другие профессии? Неизбежно создается впечатление, что молодежь надо убедить, чего бы это ни стоило. Иначе они, чего доброго, предпочтут занятия земледельца чиновничьей карьере, которая может привести к высшим административным должностям в стране. Как будто юношество имеет возможность выбора.

⁴ Глава египетской литературы одноименна главе русской: «Ахтой» значит «толстый». Толстой. Ср. [Černý 1976, p. 300].

⁵ Слова «поучение» и «наставление» имеют одно соответствие в египетском. Мы употребляем их, чтобы различить два сочинения жанра *sb3jt*.

⁶ Мы пользовались фотографией, приложенной к [Simpson, 1977, pl. 6].

⁷ Заметим, что автор «Поучения» носит другой титул, пока уникальный (к нему см. теперь [Schulman]); вопрос о соотношении обоих титулов придется решать особо.

3. Противопоставляя народ чиновникам Ахтой представляет его не сплошной массой, а по профессиям, занятиям. При этом описываемые им профессии не составляют все известные египтянам, но сравнительно немногие символизируют собою все. Некоторый «и т. д.» в подтексте. Стало быть, вне профессий, вне постоянных занятий народ не мыслится, и, пренебрегая учебой, юноша не только упускает возможность карьеры чиновника, но обязательно окажется в какой-то конкретной профессии — земледельческой или ремесленной.

4. В описании, касающемся общества, которое позволяло своим отдельным представителям держать в своих хозяйствах контингенты рабочей силы в сотни душ (египтяне говорили «голов»), можно было бы ожидать встретить хотя бы какой-то намек на существование этого несомненно многочисленного, вероятно даже очень многочисленного, социального разряда, но этого нет. Создается впечатление, что контингент рабочей силы в масштабах страны не был разделен на две части, одну, занятую в частных хозяйствах, другую вне их (в царском хозяйстве), но будто составлял целое.

Рассмотрим эти особенности подробнее. Собственно, пункты № 1 и 2 относятся, казалось бы, к тактике Ахтоя как писателя и представляются, поэтому сравнительно второстепенными. Не то, что вопросы пунктов № 3 и 4. Так же описывают египетское общество и другие источники.

В наиболее близких к описанию Ахтоя схемах социальной организации Нового царства⁸, в том числе схеме войскового писца *tnnj*⁹, который пишет по-среднеегипетски и потому в категориях, свойственных Среднему царству, выявляются те же особенности: весь народ (*tnnj* подчеркивает это) разбит на ряд профессиональных разрядов, хотя в этих схемах налицо уже определенная суммация (не «медники», «изготовители стрел», а «ремесла все», т. е. люди, занимающиеся этими ремеслами; не «земледельцы», «садовники» и т. д., а «царские *hmw*») и опять-таки нет деления также земледельцев, садовников и т. д. на частных и нечастных, т. е. царских. И такие описания становятся затем традиционными и доживают до времени установления римского владычества в Египте¹⁰.

Третью особенность приходится объяснять так, что в Египте эпохи Среднего царства деление на профессии, сводимые к немногим социально-профессиональным разрядам, охватывало все население, и, следовательно, весь народ оказывался определенным образом организованным (ср., однако, [Берлев 1978, с. 69 и сл.]).

Четвертая же особенность может быть объяснена двояко: либо Ахтой, *tnnj* и все их последователи имели в виду лишь часть населения, не связанную с частным хозяйством, либо деление работников на царских и частных было несущественно для египтян. При этом альтернативу приходится сразу же отвергнуть. Достаточно сказать, что *tnnj*, давая свою схему, подчеркивает, что она охватывает весь народ [Берлев 1978, с. 5]. Но и не только это. Четкое деление египетского народа на две радикально отличные друг от друга части привело бы к созданию соответствующей терминологии. Но этого не произошло. Более того, нет термина, который бы обозначал хотя бы одну из двух частей народа. Единственный термин, который мог бы служить обозначением той части населения, которая была занята в частных хозяйствах, производное от слова *dt*¹¹ (принятая транскрипция этого слова, как видно, неверна), в действительности таковым не является.

В самом деле, хотя *dt* — обозначение «особы» хозяина чего-либо и дает возможность охватить всех принадлежащих этому хозяину людей термином (**njw-*)/(**njt-*) *dt*, «относящиеся/относящиеся к особе (хозяина)», этот термин не мог служить названием частновладельческой челяди в масштабе страны, по той простой причине, что под *dt* подразумеваются не только физические лица, но и лица юридические¹², города и учреждения царского хозяйства.

⁸ О двух из них: [Богословский, с. 21; Berlev, p. 209].

⁹ Полное издание его гробницы см. [Brack].

¹⁰ Последнее описание такого рода дает Страбон. Стало быть, эволюция от Ахтоя до Страбона.

¹¹ О термине специально см. [Перепелкин, 1966].

¹² Впервые на существование юридических лиц указывает Ю. Я. Перепелкин [Перепелкин, 1955, с. 7].

Так, в ведомостях рабочей силы по верфи, вне всякого сомнения царской, города Тина проходят и «(относящиеся к) особе» этой верфи (папирус Райзнер III, pass. [Simpson, 1969]). Стало быть, верфь — юридическое лицо, и термином, казалось бы предназначенным называть частновладельческих работников, называют и царских.

Итак, альтернативы нет. Следовательно, и для Ахтоя, и для *tnnj* момент «царское — частное» не существен.

Тогда приходится признать, что контраст между чиновничеством и народом, между положением чиновничества и народа еще более глубок. Люди не только были заняты тяжелым трудом, но и могли оказаться на положении челяди чиновников. Действительно, из разрядов, описываемых *tnnj*, один, «царские *hmww*», и составлял частную челядь. Ему из Поучения Ахтоя соответствуют прежде всего земледельцы и садовники. Наличие среди частной челяди и тех и других твердо доказано (см., например, [Берлев, 1972, с. 20]). Более того, описание положения земледельца, работающего на господина, в L'Enseignement loyaliste (§ 11) ничем существенным не отличается от того, что дается в *Satire des métiers*¹³.

Но в таком случае приходится вернуться к особенностям пунктов № 1 и 2. Если молодой человек мог выбирать профессии, следовательно, он имел возможность выбрать и профессию чиновника, и профессию (какую-то определенную) челядинца чиновника! Ясно, что речь идет не о выборе. Но о чем же? И чиновники и народ имели какой-то, как выразился бы Щедрин, общий знаменатель. Какой же? Очевидно, только один: юноше, так или иначе не сумевшему выучиться на чиновника, приходилось, независимо от его желания, входить в один из социально-профессиональных разрядов: либо идти учиться какому-либо ремеслу, либо войти в число самого многочисленного разряда «царских *hmww*».

Вот в чем смысл сочинения Ахтоя: учащегося все время не покидает альтернатива: учеба, либо... Поэтому Ахтой и дает описание не только триумфа чиновника, но и тяжелого положения народа. Ученику приходилось считаться и с тем, и с другим. Такова была реальность. Ни цинизма, ни сатиры, ни, равным образом, какой-либо пропаганды здесь нет. Так был устроен Египет, таким было египетское общество, и это-то устройство Ахтой четко описывает.

Как уже было сказано, Ахтой первый дал описание древнеегипетской социальной организации. Во второй половине Нового царства появился целый ряд подражаний, относительно небольших по объему. Некоторые из этих *minuscule* известны только по одному списку, другие — по нескольким.

Приведем те из них, которые вошли в более или менее крупные сборники новоегипетской смеси [Gardiner, 1937; Caminos]:

I. Писец — школа — другие профессии:

- 1) An. V, 22,6–23,7;
- 2) Ch. B. V ro 5,14–6,7;
- 3) Lans. 4,2–5,7;
- 4) » 1,1–2,3;
- 5) » 7,2–8,7

II. Более общая обрисовка социальной обстановки:

- 6) An. II, 6,7–8,5=Sall. I, 6,10–7,9=Ch. B. IV vo 3,11–4,5=Ch. B. V ro 7,9–12.

III. Писец — земледелец:

- 7) An. V 15,6–17,3 (cp. 6,1–2)=Sall. I, 6,1–6,9=Lans. 7,1–7,6=Ch. B. V ro 6,6–7=Ch. B. XVIII ro A 1–2;
- 8) Turin A vo 2,1–2,9.

IV. Писец — воин — жрец:

- 9) An. III, 5,5–6,2=An. IV, 9,4–10,1;
- 10) Ch. B. IV vo 5,6–6,3=Ch. B. V ro 7,4–7; 6,13;
- 11) An. V, 7,5–8,1=Ch. B. V ro 6,7–12;

¹³ Ср. нашу рецензию на издание этого древнеегипетского сочинения для OLZ, 76, 1981. S. 14–15.

12) An. III, 6,2–6,10;

13) Ch. V. V ro 9–14.

Разбор этих сочинений выходит за рамки настоящей статьи. Заметим только, что принцип альтернативы налицо и в них и проведен он еще строже, чем у Ахтоя. Речь идет не только о принудительном распределении молодежи по разрядам-профессиям, но и об учете возможностей трудоустраиваемого населения (калеки, больные). Кроме того, новоегипетские сочинения говорят не только о ремесленниках и «царских *hmww*» (по-новоегипетски *smdt*, в значении неквалифицированной рабочей силы того или иного хозяйства)¹⁴, но и о воинах, и о жрецах, тем самым дополняя схему Ахтоя полностью до схемы *tnnj*: египетское общество состояло из пяти основных разрядов.

А как же *b3kǰw* [Берлев, 1972, гл. VI]? Вероятно, их было так немного, что Ахтой мог их игнорировать.

И еще одно. Случайно ли то, что Ахтой, очевидно, при Сенвосре I (Сесострисе) или раньше, при его предшественнике, первым дает такое описание? Не отражает ли действительность, которую он описал, реформаторскую деятельность первых царей XII династии? При последних царях Египта именно так и считали¹⁵.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Берлев, 1962 — Берлев О. Д. Способы указания филиации в письменности Среднего царства // ПС, 9, 1962. С. 13–42.
- Берлев, 1972 — Берлев О. Д. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972.
- Берлев, 1978 — Берлев О. Д. Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М., 1978.
- Богословский — Богословский Е. С. О системе древнеегипетского общества второй половины II тысячелетия до н. э. // VIII Всесоюзная конференция по древнему Востоку, посвященная памяти академика В. В. Струве. М., 1979. С. 20–25.
- Перепелкин, 1955 — Всемирная история. Т. I. М., 1955.
- Перепелкин, 1966 — Перепелкин Ю. Я. Частная собственность в представлении египтян Старого царства // ПС, 16, 1966.
- Berlev — Berlev O. // BO, 30, 1973. P. 207.
- Brack — Annelies und Artur Brack. Das Grab des Tjanuni // Theben Nr. 74. Mainz a/R, 1977. (Deutsches Archäologisches Institut, Abteilung Kairo, Archäologische Veröffentlichungen, 19).
- Brunner — Brunner H. Die Lehre des Cheti. Glückstadt, 1944 (Ägyptologische Forschungen, 13).
- Camino — Camino R. A. Late-Egyptian Miscellanies. London, 1954. (Brown Egyptological Studies, 1).
- Černý 1973 — Černý J. A Community of Workmen at Thebes in the Ramesside Period. Le Caire, 1973. (Institut français d'Archéologie orientale. Bibliothèque d'étude. 50).
- Černý, 1976 — Černý J. Coptic Etymological Dictionary. Cambridge, 1976.
- Clere — Clere J. J. Three New Ostraca of the Story of Sinuhe. // JEA, 25, 1939. P. 16–29.
- Gardiner, 1935 — Gardiner A. H. Hieratic Papyri in the British Museum. Third Series. Chester Beatty Gift. Vol. I (Text); Vol. II (Plates). London, 1935.
- Gardiner, 1937 — Gardiner A. H. Late-Egyptian Miscellanies (Bibliotheca aegyptiaca, 7). Bruxelles, 1937.
- Helck, 1954 — Helck W. Untersuchungen zu den Beamtentitel des ägyptischen alten Reiches. Glückstadt, 1954. (Ägyptologische Forschungen, 18).
- Jankuhn — Jankuhn D. Bibliographie der hieratischen und hieroglyphischen Papyri. Wiesbaden, 1974. (Göttinger Orientforschungen. IV. Reihe: Ägypten, Bd. 2).
- Maspero — Maspero G. Du genre épistolaire chez les Egyptiens. Paris, 1872.
- Moursi — Moursi M. I. Die Hohenpriester des Sonnengottes von der Frühzeit Ägyptens bis zum Ende des Neuen Reiches. Berlin, 1972. (Münchener ägyptologische Studien, 26).
- Piankoff — Piankoff A. Quelques passages des Instructions de Douaf sur une tablette du Musée du Louvre // RdE, 1, 1933. P. 51–74.
- Posener, 1956 — Posener G. Littérature et politique dans l'Égypte de la XII dynastie. Paris, 1956. (Bibliothèque de l'École des Hautes Études, Sciences historiques et philologiques. Fasc. 307).
- Posener, 1976 — Posener G. L'Enseignement loyaliste. Genève, 1976. (Centre de recherches d'histoire et de philologie de la IVe Section de l'École pratique des Hautes Études, II: Hautes Études Orientales, 5).

¹⁴ К термину см. [Černý 1973, p. 183 ff.; Богословский, с. 21–22]. О значении этого термина в эпоху Среднего царства придется говорить особо.

¹⁵ Данные греческих писателей — Геродота, Дикеарха, Диодора.

- Posener, 1980 — Posener G. L'auteur de la Satire des métiers // Livre du Centenaire de l'Institut français d'Archéologie orientale. Le Caire, 1980. P. 55–59. (Mémoires publiées par les membres de l'Institut français d'Archéologie orientale, t. CIV).
- Schulman — Schulman A. R. *Brt*: Cabin, Forecastle, Inclosed Structure // Bulletin of the Egyptological Seminar, 1. N. Y., 1979. P. 29–40.
- Seibert — Seibert P. Die Charakteristik. Wiesbaden, 1967.
- Simpson, 1969 — Simpson W. K. Papyrus Reisner III. Boston, 1969.
- Simpson, 1977 — Simpson W. K. The Literature of Ancient Egypt. New Haven—London, 1977.
- van de Walle, 1947 — Walle B. van de. Le thème de la Satire des métiers dans la littérature égyptienne // CdE, 43, 1947. P. 50–72.
- van de Walle, 1948 — Walle B. van de. La transmission des textes littéraires égyptiens. Bruxelles, 1948.